

Адаптация имен русских правителей в хорватской историографии XIX века

Kukulj, Domagoj

Undergraduate thesis / Završni rad

2018

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:914578>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-22**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Završni rad

**АДАПТАЦИЈА ИМЊЕН РУССКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ХОРВАТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА
ADAPTATION OF RUSSIAN RULERS' NAMES IN CROATIAN 19TH
CENTURY HISTORIOGRAPHY
ADAPTACIJA IMENA RUSKIH VLADARA U HRVATSKOJ
HISTORIOGRAFIJI 19. STOLJEĆA**

Student: Domagoj Kukulj
Mentor: izv. prof. dr. sc. Željka Čelić
ak. god.: 2017./2018.

U Zagrebu, 19. rujna 2018.

Содержание

1. Введение.....	2
2. Хорватская историография XIX века и её отношение к России.....	3–6
3. Авторы и произведения.....	6–7
4. Анализ адаптации собственных имён.....	7–13
а) Проблемы адаптации (7–8)	
б) Женские имена (8–9)	
в) Мужские имена (9–12)	
г) Династии, отчества и титулы (12–13)	
5. Заключение.....	14
6. Приложения.....	15–16
а) Титульные листы использованных книг (15)	
б) Избранные примеры адаптации имён (16)	
7. Библиография.....	17–18

1. Введение

XIX век является периодом интенсивного институционального развития и профессионализации хорватской историографии. Хотя традиция хорватской «научной/критической» историографии, которая подразумевает научную эрудицию и критику исторических источников, начинается с произведения Ивана Лучича *О королевстве Далмации и Хорватии в шести книгах (De Regno Dalmatiae et Croatiae libri sex)*, впервые опубликованного в 1666 году, только в XIX веке, большей частью из-за политических обстоятельств, началось создание современных научных институций и учебных заведений (прежде всего Загребского университета) и публикация книг и научных журналов на хорватском языке. Последовательно значительно увеличилось число не только историков и других занимающихся историей людей, а и число читателей, в первую очередь среди помещиков и особенно граждан, как результат всеобщего культурного и, в меньшей степени, экономического и политического прогресса хорватских земель.

В этот период главной целью исторических исследований не было расширение знаний, а прежде всего легитимация политического статуса и защита автономии Хорватии от венгерского национализма и унитарных концепций династии Габсбургов. Из-за фрагментарности хорватских земель и разобщённости дворян, хорватский национализм не развивался самостоятельно, а в рамках национально-интеграционных идеологий иллиризма (позже «югославизма») и панславизма. Таким способом Российская империя, как крупнейшее и могущественное славянское и христианское самостоятельное государство, стала интересной темой для писателей, художников и учёных, между прочим и для историков. Несмотря на то, что хорватские историки начали писать о России уже в первой половине XIX века, в адаптации русских терминов не было общепринятой системы, в большей части в контексте отсутствия хорватского языкового стандарта (он ещё развивался, чакавский литературный язык замер, а кайкавский литературный язык не был понятен во всех хорватских территориях) и универсальной системы образования. В данной работе анализируется один из важнейших сегментов этой проблемы (имея в виду факт, что ведущей темой историографии XIX века являются поступки «великих» людей) – адаптация имён русских правителей. Сравниваются варианты, использованные в следующих источниках. В заключении приводятся принципы их адаптации.

2. Хорватская историография в XIX веке и её отношение к России

Уже упомянуто, что XIX век является эпохой ускоренного развития хорватской историографии, при чём большинство историков ссылается на тезис английского марксистского историка Эрика Хобсбаума о «долгом XIX веке», который продолжался с 1789 года (Французская революция) по 1914 или 1918 год (начало, то есть конец Первой мировой войны и время Октябрьской революции), а является эпохой пропасти феодальной системы и роста взаимосвязанных идеологий либерализма, национализма и капитализма. В истории хорватской историографии «долгий XIX век», по мнению известной хорватской историка Мирьяны Гросс, продолжался ещё больше, даже до половины XX века (когда и последние историки перестали следить за правилами немецкого историзма). В XIX веке история, под влиянием упомянутой школы историзма (и её важнейшего представителя Леопольда фон Ранке), которая основана на скрупулёзной критике источников и вере в ключевую роль «великих людей» и «духа нации», стала научной дисциплиной (надо добавить, что, в отличие от русского языка, где есть только один термин, в хорватском языке слово «*proviĵest*» употребляется для обозначения прошедшей действительности, а слово «*historija*» для обозначения каждого, не только научного, изучения этой прошедшей действительности, при чём такую дифференциацию ни в коем случае нельзя считать общепринятой) (Gross 2001: 17–18).

Касательно хорватского языка, национально-интеграционная функция истории сыграла ещё большую роль. Идеология иллиризма (это в первую очередь политическое движение, устремлённое к укреплению хорватского и вообще южнославянского положения в Габсбургской империи, имело и важную роль в стандартизации языка) (Moguš 2009: 154–155) пыталась венгерскими и (велико)австрийскими претензиями противопоставить нарратив о континуитете славной истории (кроме слова «*proviĵest*» в первой половине XIX века часто употреблялось слово «*dogodovschina/dogodovščina*») «иллирийского» и «славянского» народа (эти термины, вместе с термином «хорватский», идеология иллиризма рассматривала как своего рода концентрические круги) (Gross 2001: 173). Хотя историческая продукция приверженцев иллиризма была довольно скромной, она оказала решительное воздействие на развитие хорватской историографии. Поскольку Хорватия до отмены крепостного права в 1848 году была феодальным государством (т. е. автономной единицей Габсбургской империи), главную роль в ранней фазе развития хорватской историографии имели дворяне, среди которых

важнейшим является Иван Кукулевич-Сакцинский. Хотя в его произведениях нет разработанной теории и методологии (он как правило только пересказывает источники, сосредоточиваясь на прославленные дворянские роды), из-за (успешного) стремления к объективности и роли в начале её институционального развития (Кукулевич-Сакцинский в 1850 основал Югославянское историческое общество, печатал журнал *Arkiv za poviestnicu jugoslavensku* и опубликовал многие исторические источники в серии сборников документов *Iura regni*), Кукулевича-Сакцинского большинство современных историков считает «отцом современной хорватской историографии» (Strecha 2005: 106–108).

Кроме роли научного основоположника, Кукулевич-Сакцинский играл важную роль и в оформлении хорватско-русских связей. Он в духе панславизма пытался познакомить хорватов с русскими культурой, языком и историей, водил корреспонденцию с многими русскими интеллектуалами (самым важным является Михаил Фёдорович Раевский, священник российского посольства в Вене) и писал тексты о русской и славянской истории (два из этих текстов являются предметом анализа данной работы). Пророссийская деятельность Кукулевича-Сакцинского в Хорватии была только частично успешной, но среди российских интеллектуалов рецепция была довольно положительной, и он наконец стал членом-корреспондентом Российской академии наук (обширнее в: Осака 1993: 51–67).

Основание Югославской (сегодня хорватской) академии наук и искусств в 1866 году и современного Загребского университета в 1874 году (первым ректором был историк Матия Месич, одновременно и первый профессор Кафедры хорватской истории) представляет собой один из важнейших шагов на дороге к модернизации и профессионализации хорватской науки, включая и историю. Существование этих двух научных учреждений, в основании которых ключевую роль сыграл Йосип Юрай Штроссмайер, ещё один протагонист хорватско-русских культурных и политических связей, создало до тех пор практически несуществующую институциональную базу хорватской историографии (Strecha 2005: 110). Появление адекватных научных учреждений, в сочетании с богатой издательской деятельностью Матицы иллирийской, основанной в 1842 году (она в 1874 году получила новое название – Матица хорватская), в значительной степени повлияло на будущее развитие и поднятие статуса в обществе хорватской историографии.

В другой половине XIX века в хорватской историографии начала появляться тенденция постепенного ухода от традиций немецкого историзма и тенденция включения определённых характеристик общественных наук (в этот период под решающим влиянием позитивизма) в исторические исследования. Новые поколения хорватских историков, с того времени обычно гражданского происхождения, кроме «великих» людей и важных событий начали заниматься судьбами «маленьких» людей и повседневной жизнью. Такие тенденции очевидны в творчестве Вьекослава Клайича, который писал свои произведения на грани немецкого историзма и позитивизма, критикуя негативные характеристики обоих подходов (Gross 2001: 180–182; Strecha 2005: 112). В процессе расширения (чаще употребляется поэтический термин «пробуждение») национального сознания у широких слоёв населения, наряду с культурой и политикой, очень важным является образование, самое могучее средство социальной репродукции – контроль над системой образования позволяет государственным органам принимать участие в формировании мировоззрения будущих граждан. В Королевстве Хорватия и Славония издательство школьных учебников было под контролем правительства ещё с времён иначе ненавистного (в народе) бана Кароя Куэн-Хедервари. Как и другие историки, и писатели учебников (самые важные уже упомянутый Клайч и Степан Сркуль) старались, чтобы их книги, восхваляя славные моменты национальной истории, внесли свой вклад в создание славянского содружества (Modrić-Blivajs 2007: 779–782).

Несмотря на определённые продвижения, положение наиболее многочисленного слоя населения, крестьян (как правило бывших крепостных), всё ещё было нехорошим. Этот факт отражался и в историографии, где они редко являлись предметом анализа. Из-за этой причины Степан Радич, молодой журналист и политик (тоже и автор учебника по русскому языку *Kako ćemo se naučiti ruski?*, опубликованного в 1905 году), критиковал целую европейскую историографию и требовал, чтобы главным предметом исторических исследований стали крестьянские восстания, вместо тогда популярных «буржуаских» революций, сторонники которых, как например, Оливер Кромвель или Наполеон Бонапарт, по мнению Радича являются угнетателями бесправных крестьян (Gross 2001: 187–188).

Общая характеристика всех упомянутых, казалось бы, конкурентных или даже враждебных авторов и пониманий истории – хорватский национализм, всегда связан с чувством принадлежности к более широкому «славянскому миру», самой большой

частью которого является Российская империя. Поэтому хорватские историки, несмотря на скромные условия, пытались писать о русской истории. Поскольку стандартизация хорватской орфографии (и вообще языка) ещё не была законченной, и вообще не было никаких официальных руководств, каждый автор адаптировал русские термины по-своему. Особенно интересным является процесс адаптации правительственных собственных имён, показан на примере произведений уже упомянутых хорватских историков «долгого XIX века».

3. Авторы и произведения

В данной работе анализируется адаптация собственных имён русских правителей в шести книгах хорватской историографии XIX века. Речь идёт о книгах *Картины из славянской истории* (*Slike iz slavenske povjesti*, 1903) Вьекослава Клайича, *Маленькое зеркало славянского народа* (*Malo zercalo naroda slavjanskoga*, 1845) и *Славянки* (*Slavjanke*, 1848) Ивана Кукулевича-Сакцинского, *Современная Европа или характеристика европейских государств и народов* (*Savremena Evropa ili karakteristika evropskih država i naroda*, 1905) Степана Радича и *Обзор общей и хорватской истории* (*Pregled opće i hrvatske povijesti*, 1912) и *История нового времени для седьмого класса средних училищ* (*Povijest novoga vijeka za VII. razred srednjih učilišta*, 1921) Степана Сркуля.

Маленькое зеркало (сама книга ссылается на неизвестный словацкий подлинник) Кукулевича-Сакцинского является своего рода катехизисом панславизма – она написана в виде вопросов и ответов и содержит основные информации о «славянском мире», включая знаменитые личности. Вторую книгу Кукулевича-Сакцинского, *Славянки*, можно считать произведением гибридного жанра. Книга состоит из двух частей, при чём первая часть является сборником вдохновлённых историей стихотворений, а вторая часть сборником статей, в которых описывается исторический контекст каждого из стихотворений.

Вьекослав Клайич в течение почти 35 лет в литературном журнале Матицы Хорватской *Vienac* (*Венок*), ещё с первого года печати журнала, публиковал статьи о славянской истории. Книга *Картины из славянской истории* является сборником этих статей, при чём русская история обсуждается в статьях о Смутном времени и о Петре Великом. Степан Радич в своей книге *Современная Европа* описывает историю, язык, обычаи и культуру европейских народов, разделённых на четыре «культурные

области»: англосаксонскую, романскую, германскую и славянскую. Кроме обзора русской истории, Радич тоже занимается важной темой положения славянской идентичности в русских национальных и политических идеологиях.

Последним автором является историк и политик (член Хорватско-сербской коалиции и мэр города Загреба с 1917 по 1919 и с 1928 по 1932 год) Степан Сркуль. Он в первую очередь занимался писанием учебников истории (использованная *История нового времени* является одним из самых популярных учебников того времени), созданием исторических карт и атласов и вообще учебных материалов. Сркуль тоже писал и книги, предназначенные для более широкой аудитории, чем учащихся в школе детей, в которых хорватской публике указывал на исследования коллег историков (Modrić-Blivajs 2007: 799). Поскольку образованные хорваты читали произведения мировых историков (особенно немецких) в оригинале, и они поэтому редко переводились, книги Сркуля, среди которых самой известной является *Обзор общей и хорватской истории*, действительно играли просветительскую роль и быстро стали очень популярными (конечно, в отличие от учебника, который занимается только новым временем, в *Обзоре* обсуждается целая русская история).

4. Анализ адаптации собственных имён

а) Проблемы адаптации

Поскольку (стандартный) хорватский язык, как правило, пишется на хорватской латинице (т.н. «gajica»), а русский русскими кириллическими буквами, возникает проблема адаптации имён при переводе (пользоваться терминами «транскрипция» и «транслитерация» в данном случае непригодно из-за того, что их использование подразумевает достижение определённой степени развития лингвистической теории, что в контексте XIX века по крайней мере является антиисторичным). Хотя хорватский язык в течение XIX века в большей степени (но ни в коем случае полностью) стал стандартным (с 1847 года и официальным в Хорватии и Славонии) языком, заснованным на (новоштокавском) диалекте и орфографии под влиянием сербского филолога Вука Стефановича Караджича (Matasović 2008: 37–38), хорватские филологи почти не занимались проблемами адаптации. На самом деле, первой попыткой (и до сих пор самой разработанной) систематического изложения правил и способов транскрипции и транслитерации русских терминов является часть орфографии Матицы

хорватской, впервые опубликованной в 2007 (sic!) году, посвящена русскому языку (см. Badurina et al. 2008: 281–283).

Так как общепринятых правил адаптации не было, авторы использованных книг разными способами адаптировали имена русских правителей (ср. Vorovec 2018: 5), при чём надо иметь в виду и факт, что унитарная государственная система образования в XIX веке ещё развивалась, что в сочетании с незаконченной стандартизацией становилось причиной присутствия большого количества индивидуальных решений, особенно имея в виду факт, что историки в меньшей степени занимались проблемами языка, чем филологи или литераторы. Ещё один факт является очень важным – вопреки тому, что хорватские историки писали о русских правителях, в большинстве случаев нет убедительных доказательств, что они с этими именами познакомились читая тексты, написанные на русском языке (в некоторых случаях даже очевидно, что источник был иностранным). Тоже надо иметь в виду, что речь идёт о периоде перед Октябрьской революцией и реформой орфографии русского языка, которая до реформы была под решительным влиянием церковнославянского (Matasović 2008: 26).

Из-за упомянутых причин анализ адаптации правительских имён в данной работе не ссылается на определённые исследования (потому что они в хорватском случае не существуют, кроме дипломной работы Мирны Боровец *Smrt Romanovih: od mita do stvarnosti*, 2018), а на выбранных примерах показывает отсутствие, или лучше говоря фрагментарное присутствие, адаптационной системы. Поэтому адаптация не анализируется с хронологической точки зрения стандартизации хорватской орфографии (хотя и она является фактором), а в первую очередь анализируется фрагментарность адаптационных решений определённого автора (иногда в двух книгах одного автора есть два решения), их тенденция создания системы или её отсутствие.

б) Женские имена

Русскую историю, по сравнению со странами западной Европы, характеризует относительно важная роль женщин. Киевской Русью правила княгиня Ольга (после крещения – Елена), а Российской Империей (хронологически) даже четыре императрицы: Екатерина I, Анна, Елизавета и Екатерина II. Императрицы упомянуты и в произведениях хорватских историков.

Ольгу упоминает только Кукулевич-Сакцинский; он адаптирует её имя как «Olga» (Kukuljević-Sakcinski 1845: 32). Екатерину I упоминают Клайич и Сркуль (в

обеих книгах) и адаптируют её имя как «Katarina I.» (Klaić 1903: 167; Srkulj 1921: 236; Srkulj 1912: 88). Царицу Анну упоминает только Сркуль в своих двух книгах, при чём всегда добавляет её отчество: «Ана Ivanovna» (её отцом был Иван V, брат и коротко соправитель Петра Великого). На примере царицы Елизаветы, дочери Петра Великого, случаются большие перемены в адаптации. Её тоже упоминает только Сркуль, но в своей книге 1912 г. он адаптирует её имя как «Elizabeta» (Srkulj 1912: 88) (интересно, в отличие от Анны, Сркуль не добавляет её отчество), а в книге 1921 г. как «Jelisaveta» (Srkulj 1921: 237). Настоящую причину такой резкой перемены трудно определить с абсолютной уверенностью. С одной стороны, Сркуль возможно подвергнул имя царицы транскрипции, но такая возможность не является очень вероятной из-за того, что такой транскрипции не подвергнул имена других цариц. Хотя есть возможность, что первая адаптация основывалась на германских, а вторая на русских (славянских) источниках, более вероятным является то, что Сркуль (как политик югославского направления) (см. Hrvatska enciklopedija, s.v. „Srkulj“), в измененных политических условиях нового государства использовал форму более близкую сербскому идиому (хотя в контексте XIX века границы между «хорватским», «сербским» и «югославским» достаточно трудно определить). Что касается последней и самой известной императрицы, Екатерины II, её имя, адаптировано как «Katarina II.» (речь идёт о традиционном варианте в западном христианстве), присущее в книге Степана Радича и в книгах Сркуля (Radić 1905: passim.; Srkulj 1912: 88; Srkulj 1921: 273).

в) Мужские имена

Хотя вклад императриц и княгини в истории России был значительным, мужских правителей с квантитативной точки зрения гораздо больше. Варяжского князя и основателя Киевской Руси Рюрика упоминают Радич и Сркуль – Сркуль адаптирует его имя как «Rjurik» (Srkulj 1912: 62), а Радич как «Rurik» (Radić 1905: 130). Радич вероятно был под влиянием Клайича (несомненно в процессе писания книги читал или его статьи, или его книгу), который династию потомков Рюрика адаптировал как «Rurikovići» (Klaić 1903: 1942), но такую теорию нельзя считать авторитарной, поскольку Радич читал на почти всех славянских языках.

Что касается остальных древнерусских правителей, Кукулевич-Сакцинский упоминает Игоря, Владимира и Ярослава («Igor», «Vladimir», «Jaroslav») (Kukuljević Sakcinski 1845: 30), Радич «великого князя» Владимира (тоже «Vladimir») (Radić 1905: 36), а Сркуль Олега и Игоря («Oleg» и «Igor») (Srkulj 1912: 62). В адаптации имён

русский царей больше разнообразия. Иван IV появляется в книгах Клайича, Радича и Сркуля, во всех примерах как «Ivan IV.» (Klaić 1903: 143; Radić 1903: *passim.*; Srkulj 1912: 86; Srkulj 1921: 191). Упомянутые разнообразия в адаптации начинаются с имени царя Фёдора, сына Ивана Грозного. Клайич и Сркуль (только в своём учебнике) адаптируют его имя как «Fedor» (как своего рода предтечу транслитерации), но Сркуль в *Обзоре общей и хорватской истории* имя другого Фёдора (III, старшего брата Петра Великого) адаптирует как «Feodor» (Srkulj 1912: 87) (но, уже в учебнике появляется адаптация «Fedor») (Srkulj 1921: 191) вероятно под влиянием церковной/дореволюционной формы этого имени.

Исчезновение Рюриковичей и Смутное время (или Смута) – одна из самых популярных тем русской историографии. Этот факт отразился и в хорватской историографии. Бориса Годунова («Boris Godunov») упоминают Клайич (Klaić 1903: 142) и Сркуль (Srkulj 1912: 87; Srkulj 1921: 195). Довольно необыкновенной является адаптация прозвища «Лжедмитрий», обозначающего нескольких самозванцев, претендентов на царский престол, которые выдавали себя за царевича Дмитрия, сына Ивана IV, умершего при загадочных обстоятельствах (Богородская 2012: 24). Клайич адаптирует прозвище «Лжедмитрий» как «Lažni Dimitrija», а, поскольку были два правительствующих самозванца, употребляет и форму множественного числа «Dimitrije» (Klaić 1903: 142). Сркуль вообще не называет первого из самозванцев, а непосредственно заимствует русский термин и употребляет его в качестве прозвища («Samozvanec») (Srkulj 1921: 195). Клайич тоже упоминает и Василия IV Шуйского (адаптировано как «Vasilije Šujski») – такое решение употребил и Сркуль в случае царя Василия III («Vasilije») (Srkulj 1912: 86)

Потому что большинство из использованных книг говорит об истории нового времени, примеров адаптации имён царей и императоров из династии Романовых гораздо больше, чем в случае Рюриковичей. В данной таблице показано несколько примеров адаптации имён правителей XVII века:

Имя правителя	Клайич 1903	Сркуль 1912	Сркуль 1921
Михаил	Mihajlo	Mihajlo	Mihajlo
Алексей	Aleksij	Aleksije	Aleksej
Фёдор/Феодор III	/	Feodor	Fedor
Иван V	Ivan	/	/
Пётр I	Petar	Petar	Petar

(Klaić 1903: 145–146, 152; Srkulj 1912: 87–88; Srkulj 1921: 194–199, 230)

Что касается Михаила Романова, первого царя из этой династии, существует континуитет адаптаций имени, в случае его сына Алексея ситуация обратная – разница не появляется только между двумя авторами (Клайичем и Сркульем), а даже и между двумя книгами Степана Сркуля. Всё-таки, можно увидеть тенденцию сдвига с использования формы имени под влиянием иностранных (имя греческого происхождения, появляется и в романских языках) к форме соответствующей транскрипции или транслитерации (они в данном случае совпадают друг с другом). Кроме уже обсуждённых случаев имён «Фёдор/Феодор» и «Иван», адаптация имени «Пётр», как очевидно, совпадает с хорватским вариантом имени известного апостола. Первого всероссийского императора, Петра Первого, упоминают и Кукулевич-Сакцинский (в двух книгах) (Kukuljević Sakcinski 1845: 20; Kukuljević Sakcinski 1848: 30) и Радич (Radić 1905: 133).

Что касается российских императоров XVIII века, они или были женщинами (особенности адаптации их имён уже обсуждены) или носили имя своих предков (Как Пётр II, Иван VI и Пётр III). Императоры «долгого» XIX (или, в более традиционном понятии, XIX и первых двух десятилетий XX) века не являются только предметом изучения, а в многих случаях и современниками (Кукулевич-Сакцинский, например, упоминает правящего императора Николая I) хорватских историков, которые о них писали.

В данной таблице показано несколько примеров адаптации:

Имя правителя	Кукулевич 1845	Радич 1905	Сркуль 1912	Сркуль 1921
Павел	/	/	Pavao	Pavao
Александр I	/	Aleksandar	Alexandar Aleksandar	Aleksandar
Николай I	Nikola	Nikola	Nikola	Nikolaj
Александр II	Aleksander	Aleksandar	Aleksandar	/
Александр III	/	/	Aleksandar	Aleksandar
Николай II	/	/	Nikola	Nikolaj

(Kukuljević Sakcinski 1845: 32; Radić 1905: passim.; Srkulj 1912: 89, 101–102; Srkulj 1921: 280, 376–377, 424)

В адаптации имени императора Павла, сына Екатерины Великой, использован хорватский вариант имени апостола. Случай три императора с именем «Александр» и адаптаций их имён одновременно показывает (относительный) континуитет языкового стандарта и наличие исключений, даже и в рамках одной книги (как в случае *Обзора*

общей и хорватской истории Сркуль). Адаптация имени двух императоров с именем «Николай» показывает ещё один факт, в определённой степени сохранившийся до сих пор – проблему выбора между хорватской формой имени (чтобы приблизить протагониста истории домашнему читателю) и сохранением «автентичности» (хотя Сркуль возможно выбрал форму «Nikolaj» потому что она совпадает с сербской).

г) Династии, отчества и титулы

От средневековья до 1917 года Россией, с короткими исключениями, правили две династии – Рюриковичи и Романовы. Название первой династии адаптировано (зависит от того, как адаптировано имя основоположника династии, о чём уже было речи) как «Rurikovići» (Klaić 1903: 142) или как «Rjurikovići» (Srkuļj 1912: 86), а другой как «Romanovići» (там же). В обоих случаях интересным является выбор последнего согласного. Факт, что оба слова заканчиваются буквой «ć» (сама графема является заимствованием из польской орфографии, введённой в хорватскую Людевитом Гаем) (Moguš 2009: 158), указывает на то, что авторы книг не смотрели на названия русских династий как на экзотичные иностранные термины, а пытались адаптировать их, имея в виду фонемную и морфемную структуру хорватских фамилий.

Почти идентичная ситуация и в случае адаптации правительских отчеств. Если есть возможность в процессе адаптации сблизить хорватскую и русскую языковую традицию, авторы пытаются это осуществить. Единственным исключением является Кукулевич-Сакцинский, но надо иметь в виду, что во время писания его *Маленького зеркала* стандартизация хорватского языка только начиналась. Поскольку в хорватском языке фамилии женского рода довольно редкие (а матронимического принципа почти нет), нет возможности адаптироваться по хорватскому образцу. Так, например, отчество царицы Анны Ивановной просто транслитерируется – «Ana Ivanovna» (Srkuļj 1921: 237). Появляются следующие отчества:

Отчество	Кукулевич 1845	Клаич 1903	Сркуль 1912	Сркуль 1921
Алексеевич	/	/	Aleksijević	Aleksejević
Иванович	/	/	Ivanović	/
Николаевич	Nikolajević	/	/	/
Фёдорович	/	Fedorović	Feodorović	/
Михайлович	/	Mihajlović	Mihajlović	Mihajlović
Васильевич	/	Vasiljević	Vasiljević	/

(Kukuljević Sakcinski 1845: 32; Klaić 1903: 142–146; Srkuļj 1912: 86–88; Srkuļj 1921: 199)

Кроме суффиксов, появляется и проблема окончаний. Почетное прозвище московского князя Дмитрия, победителя в Куликовской битве (1380 год), Радич адаптирует как «Donskij» (Radić 1905: 185), а Сркуль как «Donski» (Srkuļj 1912: 64). Адаптация Радича показывает тенденцию близкую будущему термину транслитерации, а адаптация Сркуля пытается приблизить прозвище князя хорватскому стандарту и морфемному составу. Последним важным аспектом адаптации имён русских правителей является адаптация разных титул и/или прозвищ (не всегда почетных). Ивана IV каждый автор, который упоминает его, называет Грозным, что в хорватском адаптируется как «Grozni» (Klaić 1903: 142; Radić: passim.; Srkuļj 1912: 86; Srkuļj 1921: 191). Похожая ситуация и в случае Петра I Великого. Клайич, Радич и Сркуль адаптируют его титул как «Veliki» (пишется с прописной буквы, как будто речь идёт об имени или фамилии) (Klaić 1903: passim.; Radić 1905: 133; Srkuļj 1912: 88; Srkuļj 1921: 230), Кукулевич-Сакцинский определился за «veliki» (Kukuljević Sakcinski 1845: 30). В данном случае невозможно утвердить, идёт ли речь об ошибке в печати или о сознательном выборе. Остальные титулы касаются трёх императоров с именем «Александр». Они как правило переводятся – Александр I Благословенный в хорватской адаптации «Blagoslovljeni» (Srkuļj 1921: 376), а Александр II Освободитель «Osloboditelj» (Srkuļj 1912: 101) или «car-Osloboditelj» (Radić 1905: 160–161, 166). Только в случае Александра III Миротворца появляется противоречие – Сркуль адаптирует его титул как «Mirotvorec» (Srkuļj 1921: 424). Поскольку автор на других примерах показал тенденцию продуманной адаптации, такая неуклюжесть наиболее вероятно является ошибкой.

В течение XIX века в адаптации русских собственных имён в хорватской историографии преобладали транслитерация и (чаще) использование хорватских или сербских эквивалентов, т. е. транслитерация (женские и.) и добавление хорватского суффикса (мужские и.) «ić» в случае отчеств и фамилий. Титулы и (почетные) прозвища как правило переводились.

5. Заключение

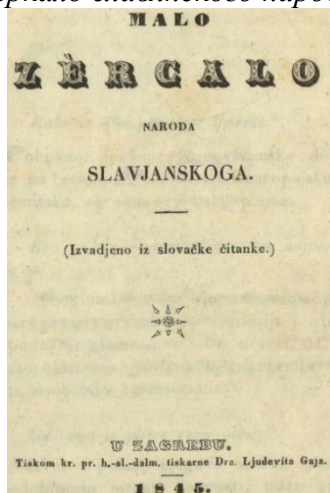
Хорватская историография в течение XIX века, благодаря таким людям, как Иван Кукулевич-Сакцинский и Вьекослав Клайич, постепенно стала развитой и уважаемой научной дисциплиной. Как и в случае филологии, целью занятия историей не был только научный прогресс, а и создание национального сознания. Трудные политические обстоятельства в Королевстве Хорватия и Славония заставили хорватских националистов полагаться на других славянских стран, среди которых самой могучей была Российская Империя. Поэтому русская история относительно быстро стала темой хорватской историографии.

Поскольку стандартизация хорватского языка ещё не была законченной, и унитарная система образования не существовала, хорватские историки в адаптации русских терминов, включая и имена правителей, не могли следовать ни за какой системой. Поэтому каждый историк адаптировал правительские имена по-своему, и адаптация часто зависела от габитуса историка, при чём противоречия не существовали только между адаптациями разных авторов, а иногда и между разными произведениями одного автора – в зависимости от политического и культурного влияния (немецкого, сербского). Однако, как результат процесса языковой стандартизации, принципы адаптации в течение времени стали более близкими, но определённые проблемы, связанные с транскрипцией и транслитерацией, сохранились до сих пор, и имена собственные и титулы русских правителей по сегодня не унифицированы в хорватских исторических источниках. Возможным решением, несмотря на маленькое число говорящих на русском языке историков, является последовательное пользование одним типом адаптации русских имён, имея в виду определённые хорватские эквиваленты, при чём относительно универсальная транслитерация лучше, чем иногда противоречивая транскрипция.

6. Приложения

а) Титульные листы использованных книг

Кукулевич-Сакцинский, *Маленькое зеркало славянского народа*

Вьекослав Клайич, *Картини из славянской истории*

SLIKE
IZ
SLAVENSKE POVJESTI.

U ZAGREBU.
IZDALA „MATICA HRVATSKA“.
1908.

Сркуль, *Обзор общей и хорватской истории*

**PREGLED OPĆE
I HRVATSKE POVJESTI**

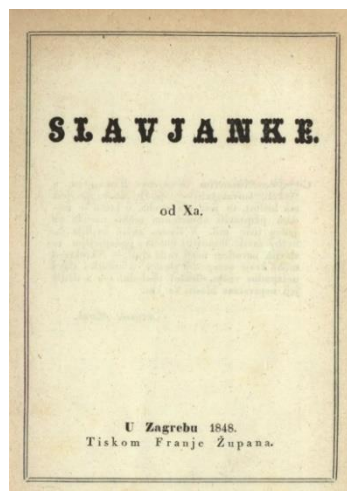
SASTAVIO
DR STJ. SRKULJ
PROFESOR DONJOGRADSKOG
GIMNAZIJE ZAGREBAČKE

TREĆE PRERADENO I NADOPUNJENO IZDANJE

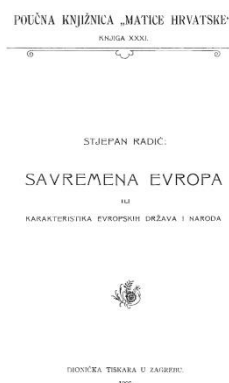

ZAGREB.
NAKLADA PIŠČEVA.
1912.

Кукулевич-Сакцинский, *Славянки*

Степан Радич, *Современная Европа*

Сркуль, *История нового времени для седьмого класса средних училищ*

б) Избранные примеры адаптации имён

Имя	Кукулевич 1845/1848	Клаич 1903	Радич 1905	Сркуль 1912	Сркуль 1921
Рюрик	/	/	Rurik	Rjurik	/
Игорь	Igor	/	/	Igor	/
Владимир Великий	Vladimir	/	Vladimir	/	/
Ярослав Мудрый	Jaroslav	/	/	/	/
Иван IV Грозный	/	Ivan IV. Vasiljević Grozni	Ivan Grozni	Ivan IV. Vasiljević Grozni	Ivan IV. Grozni
Фёдор I	/	Fedor I.	/	/	Fedor
Михаил Фёдорович Романов	/	Mihajlo Fedorović Romanov	/	Mihajlo Feodorović Romanov	Mihajlo Romanov
Алексей Михайлович	/	Aleksej Mihajlović	/	Aleksije Mihajlović	Aleksej Mihajlović
Фёдор III Алексеевич	/	/	/	Feodor Aleksijević	Fedor Aleksejević
Пётр Великий	Petar (veliki)	Petar Veliki	Petar Veliki	Petar Veliki	Petar Veliki
Елизавета	/	/	/	Elizabeta	Jelisaveta
Екатерина II	/	/	Katarina II.	Katarina II.	Katarina II.
Александр I Благословленный	/	/	Aleksandar I.	Alexandar/Aleksandar I.	Aleksandar I. Blagoslovljeni
Николай I	Nikola	/	Nikola I.	Nikola I.	Nikolaj I.
Александр II Освободитель	Aleksander Nikolajevič	/	Aleksandar II. car- osloboditelj	Aleksandar II. Osloboditelj	/
Александр III Миротворец	/	/	/	Aleksandar III.	Aleksandar III. Mirotvorec
Николай II	/	/	/	Nikola II.	Nikolaj II.

7. Библиографија

Источници

Klaić, Vjekoslav (1903) *Slike iz slavenske povjesti*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Kukuljević Sakcinski, Ivan (1845) *Malo zercalo naroda slavjanskoga*. Zagreb: Tiskom pr. h. sl. dalm. tiskarne Ljudevita Gaja.

_____ (1848) *Slavjanke: sa historičkimi primetbami*. Zagreb: Tiskom Franje Župana.

Radić, Stjepan (1905) *Savremena Evropa ili Karakteristika evropskih država i naroda*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Srkulj, Stjepan (1921) *Povijest novoga vijeka za VII. razred srednjih učilišta*. Zagreb: Naklada kr. hrv.-slav. zem. vlade.

_____ (1912) *Pregled opće i hrvatske povijesti*. Zagreb: Naklada piščeva.

Литература

Badurina, Lada, Ivan Marković, Krešimir Mićanović (2008) *Hrvatski pravopis. Drugo izdanje*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Богородская, Ольга Евгеньевна (2012) *История России. С древнейших времён до 1917 года*. Иваново: Министерство образования и науки Российской Федерации, Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина.

Borovec, Mirna (2018) *Smrt Romanovih: Od mita do stvarnosti*. Zagreb: Diplomski rad.

Gross, Mirjana (2001) *Suvremena historiografija. Korijeni, postignuća, traganja*. Zagreb: Novi liber, Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.

Hrvatska enciklopedija, s.v. „Srkulj, Stjepan“

<http://enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=57635> (7. 9. 2018.)

Matasović, Ranko (2008) *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskog jezika*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Modrić-Blivajs, Dunja (2007) *Kakvi su bili povijesni srednjoškolski udžbenici u banskoj Hrvatskoj u razdoblju Khuenova banovanja?* u: *Časopis za suvremenu povijest* (ur. Matković, Stjepan) 39, br. 3. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, str. 777 – 805.

Moguš, Milan (2009) *Povijest hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb: Nakladni zavod Globus.

Očak, Ivan (1993) *Hrvatsko-ruske veze. Druga polovica XIX. i početak XX. stoljeća*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.

Strecha, Mario (2005) *O nastanku i razvoju moderne hrvatske historiografije u 19. stoljeću* u: *Povijest u nastavi*, br. 6 (ur. Agičić, Damir). Zagreb: Društvo za hrvatsku povjesnicu, str. 103 – 116.

Sažetak

Tijekom 19. stoljeća hrvatska je historiografija najvećim dijelom prošla proces razvoja u znanstvenu disciplinu. Zahvaljujući djelovanju Ivana Kukuljevića-Sakcinskog i njegovih nasljednika, historijska znanost u Hrvatskoj dobila je respektabilan status. Pritom valja imati na umu činjenicu da tijekom 19. stoljeća historija nije imala samo prosvjetiteljsku ulogu, već je služila i širenju nacionalne svijesti. Nepovoljne političke prilike uvjetovale su oslanjanje hrvatskih nacionalista na druge slavenske države, među kojima je najmoćnije bilo Rusko Carstvo, zbog čega je ruska povijest postala temom hrvatske historiografije.

Zbog činjenice da je hrvatski jezik još prolazio fazu standardizacije i nepostojanja jedinstvenog obrazovnog sustava svaki je povjesničar adaptirao ruske pojmove, uključujući i imena vladara, na svoj način. Pritom je adaptacija, zbog nepostojanja standardiziranog sustava, često ovisila o habitusu pojedinog povjesničara, što je često uzrokovalo proturječja. Napredovanjem procesa standardizacije došlo je do određenog napretka, ali mnogi problemi vezani za transkripciju i transliteraciju ruskih riječi postoje i danas.

Ključne riječi: Hrvatska historiografija, hrvatsko-ruske veze, ruski vladari, adaptacija inojezičnih imena, transkripcija i transliteracija

Ключевые слова: Хорватская историография, хорватско-русские связи, русские правители, адаптация иноязычных имён, транскрипция и транслитерация

Kratki životopis

Rođen 10. lipnja 1995. g. u Zagrebu, gdje je završio osnovnu školu klasičnog usmjerenja i Klasičnu gimnaziju. Nakon maturiranja, ak. god. 2014./2015. upisuje dvopredmetni preddiplomski studij povijesti i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu, a ak. god. 2017./2018. jednopredmetni diplomski studij moderne i suvremene povijesti na istom učilištu.